Земля наша велика и обильна

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

ООО «НПО «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ-1»

Земля наша

ВЕЛИКА И ОБИЛЬНА...

90-летию А. Н. Кирпичникова посвящается

Книжная Типография
Санкт-Петербург
2019

УДК 902
ББК 63.4(2)

Благодарим за финансовую поддержку данного издания
Георгия Петровича Визгалова и Олега Викторовича Кардаша

Ответственный редактор:
С. В. Белецкий

Редколлегия:
Г. П. Визгалов, Т. Н. Джаксон, М. М. Казанский,
О. В. Кардаш, В. А. Лапшин, А. И. Сакса

Рецензенты:
член-корреспондент РАН, доктор исторических наук П. Г. Гайдуков,
кандидат исторических наук О. А. Щеглова

Печатается по решению Ученого Совета ИИМК РАН

Земля наша велика и обильна : сборник статей, посвященный 90-летию А. Н. Кирпичникова. — СПб.: Невская Типография, 2019. — 442 с., 170 ил.

Сборник научных статей «Земля наша велика и обильна…», подготовленный к изданию Институтом истории материальной культуры Российской Академии наук, посвящен 90-летию доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника культуры РФ Анатолия Николаевича Кирпичникова. В сборнике представлены статьи, написанные историками и археологами из Вюрцбурга, Москвы, Парижа, Перми, Пскова, Риги, Санкт-Петербурга, Старой Ладоги и Сургута. В большинстве работ впервые вводятся в научный оборот результаты новейших открытий в изучении средневековой археологии и истории европейских стран. Статьи иллюстрированы фотографиями, чертежами, рисунками и картами.

Сборник адресован историкам, археологам, филологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историческим прошлым России и сопредельных стран.

ISBN 978-5-907053-29-8
DOI 10.31600/978-5-907053-29-8

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019
© Авторы статей, 2019
© Белецкий С. В., научное редактирование, 2019
© ООО «Невская Типография», 2019

Содержание

В. А. Лапшин. Анатолий Николаевич Кирпичников. К 90-летию со дня рождения 5

Л. А. Губчевская. «Заповедный» — значит «особо хранимый» 8

Л. М. Всевиов (составитель). Библиография работ А. Н. Кирпичникова 11

А. А. Александров. «Князя поищем, иже бы владел нами и рядил ны по праву» (заметки на полях летописи) 14

С. В. Белецкий. Геральдические подвески X–XI вв. 30

Р. Брузис. Бутафории оружия ближнего боя XIV–XVI вв. на территории Латвии 50

Ю. А. Виноградов. О терракотовых статуэтках с изображением воинов из Ольвии 61

К. В. Горлов, Н. В. Григорьева. Фракция новгородского рубля с Земляного городища Старой Ладоги 66

Г. С. Гофман, Т. Ю. Закурина. Изборская крепость в первой трети XIV в. 70

Т. Н. Джаксон. О природных чудесах Исландии 84

А. Н. Егорьков, А. В. Плохов. Химический состав раннесредневековых стеклянных изделий Рюрикова городища 91

И. И. Еремеев. Фрагмент предмета церковной утвари с Бронницкого городища под Новгородом 99

М. М. Казанский. О двух традициях декора клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на юге Восточной Европы 113

С. Ю. Каинов. «Большой» меч из Чёрной могилы (предварительные итоги нового этапа изучения) 125

О. В. Кардаш, З. Г. Гайдакова. Топоры-секиры у населения Крайнего Севера в XII–XIV вв.: бытовые и ритуальные аспекты 140

А. А. Кищук, О. В. Овсянников. Из истории поморского летописания конца XVII — начала XVIII в.: «летопись» и рисунки Ивана Погорельского 156

Л. С. Клейн. Спор о варягах как пережитое 183

Н. Б. Крыласова. Комплекс вооружения финно-угорского Рождественского могильника в Пермском крае 201

Ю. А. Кулешов. Позднесредневековый шлем из собрания Козьмодемьянского культурно-исторического музейного комплекса (к вопросу о традициях и технологиях оружейного производства Генуэзской Газарии) 215

А. А. Купранис. О древнерусских весовых эталонах 241

А. В. Курбатов. Кожаные детали вооружения и амуниции в древности и средневековье по письменным и археологическим данным 245

В. А. Лапшин. Первые строители Петербурга 258

П. А. Миляев. Предметы вооружения XVI–XVII вв. из раскопок на территории ладожского посада 267

К. А. Михайлов, А. А. Пескова. Находки защитного вооружения из раскопок древнерусского Шепетовского городища (заметки к трудам А. Н. Кирпичникова) 286

Е. Р. Михайлова. Двушипные наконечники копий из Которского погоста 298

А. Г. Панкратов. Новые данные о пластинчатых панцирях на Руси 312

В. Я. Петрухин. Вещий Олег и «могила в Ладоге» 322

Н. И. Платонова. Г. Косинна и А. А. Спицын: единство противоположностей (к вопросу о «национализме в археологии») 332

А. И. Сакса. «Выборгский гром» 1495 г. — легенда или действительность? Иван III и «Балтийский вопрос» конца XV в. 343

Е. В. Салмина, С. А. Салмин. В поисках захаба: археологические раскопки в Псковском кремле в 2016 г. 358

Т. Б. Сениченкова, Н. В. Семёнова, О. К. Дмитриева. Новая находка из старых раскопок 379

В. Ю. Соболев. Оружие и снаряжение коня из раскопок Никольского Которского погоста Новгородской земли 384

П. Е. Сорокин, П. А. Васин. Романские мечи из Приневья и юго-западного Приладожья 395

Р. Спиргис. Ливские подражания готландским брактеатам X–XIII вв. 405

С. В. Томсинский. Каменные иконки из раскопок древнерусского «Изяславля» 424

С. Н. Травкин. Повторное использование монет и хронология кладов на территории Юго-Восточной Европы в средние века 433

Сокращения 439

А. А. Кищук, О. В. Овсянников
(Санкт-Петербург, Вюрцбург)

Из истории поморского летописания конца XVII — начала XVIII в.: «летопись» и рисунки Ивана Погорельского

Первым, кто «представил» персону Ивана Погорельского в научной публикации, был «архангелогородский гражданин», историк Василий Васильевич Крестинин в 1795 г.: «Иван Погорельской был прежде в доме перваго Архангельской епархии архиерея Афанасия служителем, под званием боярскаго сына; потом состоял в службе Архангелогородской торговой таможни, под званием подканцеляристом, скончался в глубокой старости, по выпуске из приказной службы, сей добронравный муж перед сим временем лет за сорок» (Крестинин 1795: 19)[1].

Являясь по существу одним из первых и крупнейшим представителем российского источниковедения второй половины XVIII в., Крестинин в своих исследованиях, наряду с опубликованным вариантом «Двинского летописца» 1774 г., использовал другие доступные ему источники летописного характера местного происхождения. Правда, весьма осторожный в своих суждениях историк ссылался на их данные следующим образом: «Рукописной Двинской летописец, с дополнениями Иова Холмогорскаго протопопа и Горожанина Федора Полянского», «Рукописной Двинской летописец с дополнениями Ивана Погорельскаго» (Крестинин 1795: 24, 78, 89 и др.). Судя по многочисленным ссылкам на эти источники, Крестинин рассматривал их в качестве заслуживающих доверия источников информации.

Упомянутые историком персоны хорошо известны по многим документам XVIII в. Так, протопоп Иов начинал свою карьеру еще при архиепископе Афанасии — в 1701 г.: священник Богоявленского собора в Холмогорском городе (крепости) был переведен в соборный Преображенский храм и в 1711 г. был уже ключарем (Голубцов 1903: 250, 260). В декабре 1717 г. в Архангельском городе «святили церкви, одна Богоявления Господня, другая Святыя Троицы архимандрит Иосаф, да протопоп с Холмогор, Иов, Архангелогородской Калинник» (ДвЛ: 205). В списках служителей архиерейского дома 1723 и 1725 гг. Иов тоже упомянут (Брызгалов и др. 2013: 80, 84). Он скончался в 1727 г., «был протопопом 12 лет несмена» (Голубцов 1903: 271). Упомянутый Крестининым «горожанин Федор Полянской» — это

[1] Именно в этой работе В. В. Крестинин ввел в научную литературу написание фамилии автора «Рукописного Двинского летописца, с дополнениями» как «Погорельский». Цитируя документы конца XVII — начала XVIII в., мы сохраняли написание фамилии, которое там было — «Погарельский».

архангелогородский бургомистр, известный по выборам в Ратушу 1720 г. (ДвЛ: 205). Оба эти персонажа, несомненно, могли обладать существенным объемом сведений о церковной и городской жизни Холмогорских посадов и Архангельского города конца XVII — первой половины XVIII в. По указу Правительствующего Сената 1760 г. «надлежало по Академическим запросам разныя Географические известия так же городовые старинные где есть Летописцы отправлять из провинции в Санктпетербургскую Академию Наук», но тогда не было ничего отправлено, так как «сочиненное вне судебнаго места летописание не можно одобрить судебным местом» (Крестинин 1792: 245). Дальнейшую судьбу всех упомянутых Крестининым списков Двинской летописи с известными ему «дополнениями» отследить не удается. А. А. Титов, подготавливая к публикации свой вариант «Двинской летописи», использовал, по его мнению, неизвестные ранее списки этой летописи наряду с уже известными (Титов 1889: II). Из неизвестных ранее списков А. А. Титов особое внимание обратил на рукопись, события в которой оканчивались 1701 г. (Титов 1889: II). Именно ее, использовав едва ли не на 90 % неизвестный ранее текст, он включил в свой, «титовский», вариант «Двинской летописи». К. Н. Сербина, издатель «Двинского летописца» в 1977 г., определенно указала: «В основу своего издания А. А. Титов положил принадлежавший ему список, дополнив его без всяких оговорок по остальным трем спискам и другим источникам» (Сербина 1977: 6). Титов использовал его, считая, что «рукопись пополняла пробелы первых двух летописцев», а на первом листе было написано: «Летописец о начале Русской земли, составленный при Холмогорском кафедральном соборе диаконом. Принадлежит Иакинфу Варовчикову с 1832 года» (Титов 1889: II). Рукопись была получена от служащего Архангельского статистического комитета Г. О. Манейко, именно она и легла в основу издания Титова: «Летописец писан разных почерков скорописью XVII–XVIII вв. в лист, на 40 листах. События в нем доведены до 1701 года включительно. Судя по некоторым данным, имеющимся в летописце, писателем его было то лицо, которое часто говорит о себе в записях об иконных работах, как участник их, числившихся в детях боярских и женившейся на дочери Холмогорского соборного ключаря Алексея Венидиктова Золотарева» (Титов 1889: III). Несомненно, автор всех сведений в этом летописном списке, а так же различных семейных и «производственных» перипетий — сын боярский архиепископского дома Иван Погорельский, о котором и писал В. В. Крестинин в 1795 г.

В прошлом столетии советские исследователи проявляли весьма глубокий интерес к поморскому летописанию (Лурье 1970: 135–149; Лимонов 1970: 251–252; Сербина 1973: 196–214; Амосов 1970: 30–32), а значительная концентрация в нем сведений о художественных работах в храмах Холмогорской епархии в последней четверти XVII в. не оставила равнодушными прежде всего исследователей северного иконописания (Брюсова 1951: 445–453). В последующие годы были предприняты попытки детализации наиболее интересных и важных событий, зафиксированных в «Летописце»» Ивана Погорельского, а так же персонификации упомянутых им действующих лиц (о работе иконописцев см.: Булкин, Овсянников 1987: 23–25; Овсянников 1992: 46–76; Кольцова, Овсянников 1995: 17–18; Овсянников 2009: 8–12).

В настоящей статье мы не ставим задачу всеобъемлющего исследования рукописи Ивана Погорельского. Этот документ оказался очень непростым по структуре, а главное — по своей сохранности. Так, согласно пагинации, рукопись состоит

из 41 листа, но есть чистые листы и встречены повторы пагинации. Все это позволяет сделать неутешительный вывод: перед нами частично сохранившийся фрагмент несомненно большой рукописи с перепутанной пагинацией. Объективное подтверждение этому видно по ссылкам Крестинина на рукопись Погорельского, например «Таможенная перечневая роспись в прибавлениях Ивана Погорельского к Двинскому летописцу» упомянута более 10 раз и полностью отсутствует в рукописи А. А. Титова (Крестинин 1795: 55–58, 61–63, 65–66).

Титов ошибочно считал, что в имеющейся у него рукописи Погорельского события доведены лишь до 1701 г. Однако поданная в 1701 г. царю челобитная подьячего Федьки Блезнина «с товарыщи» от имени Двинской Приказной избы о неполной выдачи им «денежного жалованья» имела долгое «хождение» по различным инстанциям вплоть до 1707 г., что нашло отражение в рукописи Погорельского (Брызгалов, Овсянников 2011: 138–158). Эта опубликованная вставка в записках Погорельского не единственная. В «Летописце Двинском» А. А. Титов после текста о посещении архиепископом Афанасием села Дубровицы под Москвой неожиданно поместил «странный» текст об оплате наемных иноземных моряков, после которого последовал текст о пребывании архиепископа Афанасия в Москве (Титов 1889: 104), взятый у Погорельского. Вот текст, так неудачно включенный Титовым в его книгу.

«Великого государя договор учинен капитаном, командором, поручиком и иным меншого чину началным людем и матрозом.

1. В первом начале за морем.

Будет им дано здесь на 2 месяца жалованье наперед.

2. После их отъезду будут им заплачены договорные кормовые денги там за морем, кому они прикажут принять и которые люди росписки их поднесут.

3. А их помесячные жалованные денги станут давать зачинатца того дни как они из Амстердама поедут и скончается миняв в три года в службу. А буде государь изволит служить им сверх тех договорных трех годов, и им служить шесть или восмь месяцей, и считать в году жалованных 12 месяцев.

4. Подводы им готовы будут конные и тележные и судовые под них и под рухлядь по государевому указу по всем городам и местам, где им путь случитца.

5. Им же будут даны дворы стоялые, хлеб и харчи, питье и дрова, или вместо того денгами, по достоинству и по их чину смотря.

6. А будет который из них от неприятелей взят будет в полон, и ево ис полону выменить против иного полоняника или денгами выкупить. А сколь времени он в полону будет, и за те месяцы жалованья не убавить.

7. А буде который из них будет ранен в государской службе, и те будут леченье из государевы казны. А буде какая им скорбь от ран учинитца, и им за то будет жалованье как у высокоме(с)ных стать таким людем ведетца и в их уставах поставлена. А буде какая иная скорбь или немочь будучи в государеве службе учинитца, и их лечить государевым лекарем, а за лекарство из их жалованья не вычитать.

8. А им служивым началным и матрозом служить по морю, по губам и по рекам великими и малыми судами, и с которыми им возможно по берегу выступать и по местам смотря и по угожеству государской указ везде исполнять под знающим мореходным началником.

9. И как они срочное свое время отслужат, и тогда даны им будут отпускные грамоты и до рубежа спроважены, а с рубежа им подыматца до своих мест своими денгами по их хотению.

10. А вышеписанным капитаном и комендором и иным менших чинов начальным людем в тех местех в которых им указано быть, погодно им заслуженное месечное жалованье будет заплачено (или дано) за 8 месяцей, а за 4 месяца дано будет в Амстердаме кому они принять прикажут. А первой месяц ис тех вышепомянутых 4-х месяцей будет платеж как от них с Руси будет ведомость, что он, приехав из-за моря, в государеве державе пробыли 2 месяца. И впредь тако будет им платеж за 2 месяца здесь в Руси, а за третий месяц в Амстердаме, покамест они служивые люди в животе будут свидетелствовать отписками. А которые иноземцы выехали на Русь з женами и з детми и будут они похотят государево жалованье все здесь на Руси иметь, и им давать. А за 4 месяца жалованье, которое писано, платить в Амстердаме, и то будет давано по государеву указу от каммисара или кому он великий государь укажет».

(ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 24об–25.)

Однако вставленные записки Ивана Погорельского с неким «морским» документом в контексте событий, происходивших в городе Архангельском, странными отнюдь не представляются. Начавшееся в 1708 г. активное строительство военных судов на Соломбальской верфи требовало обеспечения их матросскими экипажами, и в 1710 г. стали набирать матросов, имевших опыт хождения «за море на казенных торговых судах и на компанейских, в Гренландию, и на Новую землю и в Колу» (Огородников 1875: 30). Архангелогородский вице-губернатор Алексей Курбатов, по данным С. Ф. Огородникова, мог только частью снабдить экипажи кораблей «матросами Английской, Голландской и Гамбурской компаниями» (Огородников 1875: 44). Порой наборы в матросы проводились непосредственно в тех уездах, в которых значительное количество мужчин занималось морскими промыслами. Так, в 1713–1714 гг. капитан-поручик Синявин только в Лапожинской волости Мезенского уезда набрал 50 мореходов (Овсянников, Ясински 2006: 98–101; Материалы для истории 1866: 105). Всего общий список взятых на флот в 1714 г. составил 1526 человек, а к 1915 г. набралось уже 3256 человек. Можно предполагать, что «морской» документ, вставленный Погорельским в летописные записки, относится к более раннему времени. Озабоченный не только строительством военных кораблей для Российского флота, Петр I вынужден был предпринимать необходимые шаги для комплектации морских экипажей уже в период «великого посольства» в 1697–1698 гг., корабли строились на Дону, в Воронеже и на Двине. В Адмиралтейском приказе Архангельского города уже летом 1698 г. был составлен «приемный список» иностранцев на российские корабли: до 20 июня прибыли 3 капитана-голландца, 23 комендора (из них 15 голландцев), 35 порутчиков (19 голландцев), 16 штурманов (8 голландцев), 15 подштурманов (8 голландцев), из «нижних чинов» — 36 боцманов (3 голландцев), 31 боцманатов (6 голландцев), из 15 констапелей — 1 голландец, и из 339 матросов — 24 голландца (Кротов 1996: 31–39). Двинский летописец этому весьма важному, особенно для Русского Поморья, событию уделил особое внимание в 1698 г.: «Того же года вышли на кораблях по указу великого

государя и приняты в службу в морской флот, вице-адмирал Корнелиус Круус (Креус), и шеубенахт, и всяких чинов служителей и ремесляных человек с 1000 (и больши), и пошли к Архангельскому городу, и от города отпущены того же года до Вологды на судах» (ХЛ: 200).

Высказано мнение, что во время пребывания в Голландии в 1697 г. Петр I начал приглашать морских специалистов (Хусейн 1999: 327). Открывшийся «поток» иноземцев, несомненно, нуждался в определенном юридическом оформлении, на основании которого поступающие на государственную службу специалисты получали бы необходимые и гарантированные государством Российским средства существования. В Двинском летописце за 1696 г. значится запись: «А понеже флот морской и полезным походам и действиям своим требует регламента, или устава, без котораго и ветры, и кормчие всуе того ради премудрейшии монарх и к сему делу приложил труды своя ово от своего разсуждения, ово от иностранных регламентов собрал лучшия в книгу Регула» (ХЛ: 200). На наш взгляд, автор этих слов хронологически немного поспешил, говоря о «книге Регула», но был прав, что определенные инструкции в связи с появлением и становлением русского флота стали составляться одновременно с ним.

С. Ф. Огородников, несомненно, в контексте подобных проблем приводит весьма знаковый пример о так называемых «послушных указах»: «Воинские же, морские уставы за подписанием вице-губернатора (Архангелогородского. — *Авт.*), даны были на корабли письменные, так как печатных в то время еще не было» (Огородников 1875: 45). Система «указов» относилась к обширному кругу вопросов — не только к строительству кораблей, но и к назначению командиров судов, размеров «жалованья» и даже обмундирования их и «нижних чинов», снабжение экипажей продовольствием и т. д. (Огородников 1875: 45–46). Можно предположить, что и «морской» документ в составе записок Погорельского принадлежит к подобному роду «послушных указов», регулировавших наем специалистов на суда как за границей, так и в Архангельском городе в первые годы XVIII в. По крайней мере, мы имеем дело с первым юридическим документом подобного рода.

Попробуем реконструировать часть текста записок Погорельского уже без «морского» документа, который, несомненно, разрушил целостность первоначального текста. Суть реконструкции — соединить сведения о пребывании архиепископа Афанасия в четвертый, последний приезд его «в службу» в Москву в 1697 г. Начнем с отъезда из Холмогор.

> «По указу святейшаго патриарха преосвященный Афанасий, архиепископ Холмогорский и Важеский, генваря в 14 день в четверток изволил путешествовать с Холмогор к Москве во чреду священнослужения, то есть 4-й поход. К Москве пришествовал в четверток. В путном шествии были 3 недели. На житие в дом пристали в белом городе на Мясницкой у съезжей Сухарева полку, а у церкве Гребенской в полаты каменные Рязанскаго митрополита.
>
> В Великом Заговеньи у Красноселского пруда была великого государя потеха чиненая великими удивительными и неслыханными до сих времен видимыми всякими штуками разными, которые все горели великими цветами, огни стелбы и сверху спущали множество всяких рокиток.

Февраля в день по указу великого государя казнены смертью в Преображенском Алексей Соковнин с товарищы за смертныя вины их. Головы их на Москве у Спасских ворот на площади на новопостроенном каменном столпе взоткнуты на пяти железных колах, и руки и ноги круг столпа на деревянном колье взоткнуты. На третей недели Великого поста Стремянной да Озеров полки пошли все с Москвы в службу.

В четвертую неделю святаго и Великого поста благочистивейший великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец пред походом своим в службу быть в кельи у преосвященного архиепископа в ноче не со многими своими ближними людми.

На пятой недели того ж поста изволил преосвященный архиепископ взять из Чюдова монастыря болшее и первое лутчее евангелие и с того все сознаменить и срысовать приказал слово в слово, чтоб бес погрешения и мерою во всем таково ж было, против которого и учинено тако, за что милостивое слов.

Февраля в 20 день приехал на Двину воеводою боярин князь Михайло Иванович Лыков ближнего столника и воеводы Федора Матвеевича место Опраксина, а с ним дьяк Еремей Полянской дьяка ж на Андреево место Озерова.

Февраля в последних числех великий государь изволил путешествовать с Москвы в Великий Новград, а из Великого Новаграда во Псков, а изо Пскова в Ригу, свейской город. И тамо был во время Святыя Пасхи, токмо его государских посолских людей в город не пущали. И изволил из Риги великий государь на кораблях путешествовать морем в немецкия земли. С сего ж месяца великий государь изволил отпустить с Москвы посла своего Фряеса Яковлевича Лафорта с товарищи за море в немецкие земли.

Тогда ж по указу великого государя ходили за море с Москвы дети великих бояр и всяких чинов люди в Рим и во иные королевства заморские ради всяких наук.

После Троицына дни во вторник был с преосвященным архиепископом в селе князя Бориса Алексеевича Голицына, а именно в Дубровицах, от Москвы по Серпуховской дороге и имеет в расстоянии 30 верст, на(д) двумя реками стоит над Десною и Пахрою. А церковь такова удивителная и резная с вонную сторону, и таким образом и переводом, что такой и в Москве удивителной по нынешнее время не было.

Оттоле были у святейшаго патриарха в Андреевском монастыре. Оттоле с ним были и у Крутицкого митрополита на Крутицах и в Москву прибыли оттоль.» (Рис. 1.)

«Заговев в Петров пост, Троицы Сергиева монастыря архимандриту Иеву в пяток было наречение при святейшем патриархе и при архиереях в Крестовой чрез архидиакона выговором и указом великого государя в великий Новград митрополитом. А в выборе были с ним Новоспасской и Знаменской.

В воскресной день святейший патриарх, служа божественную литургию, постановил оного Иова из архимандрита в митрополиты Великому Новуграду и Великим Лукам, а на его место в Сергиев монастырь перевел Знаменского архимандрита. В Петров день святейший патриарх, служа божественную литоргию, поставил в Киево-Печорский монастырь архимандрита да себе подиякона и подьяка.

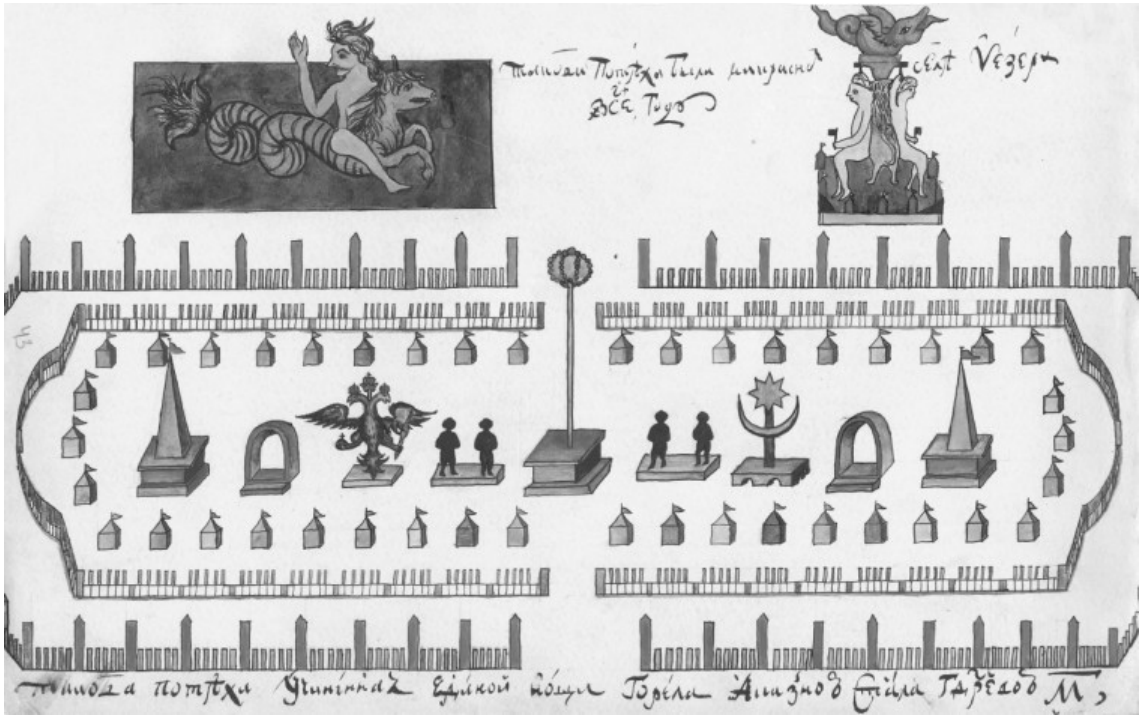

Рис. 1. *Сверху*: «Такова потеха была на Красном Селе у озера 7205-го году». *Под рисунком*: «Такова потеха учиненная единой нощи горела. А казною стала государевою 40…»

Июля в 2-й день ночи во 2-м часу туча шла зело грозна, грому и молния много было. От молня в двух местах пожар был и людей било.

После Преображеньева дни в воскресной день у святейшаго патриарха стол был на всех архиереев и властей. На той же недели в четверток пришол в Москву свейской посланник и стреча была по обычаю. В Успеньев день святейший патриарх служил божественную литургию у праздника в Успенском соборе сам с протчими митрополиты и архиерея и з другими власти. Во едину неделю в четверток в вечерни до заутрени в ноче слышать было якобы грак, топот и стрелба на Резанском подворье при архиереи.

7206-го сентября в 6 день в понедельник на Москве боярин Кондратей Фомичь Нарышкин преставися. При погребении служил и погребал в Петровском монастыре архиерей Холмогорский.

В Филиппов пост в другом часу ночи было знамение в луне в первой молодовой четверти на восходе, и акибы… была чрез месяц вверх острой, а к земли вниз широкой лучь от ней был.

Преосвященный архиепископ призвал живописца персоника Степана Дементьева сына Нарыкова и заставил свою архиерейскую персонь написать, которую и писал он на картине, смотречи на него архиерея, обрисовал и все подобие сущее лица его, и провохрил фарбами, какими надлежит, слово в слово, и оставил у него архиерея во внутренней кельи сушить. А в ный день приехатчи оное ево архиерейское персонное лицо поправивши наготово, взял с собою, протчее дома дописывал. А по совершении писма всего преосвященный архиепископ платил ему за труд wosm rublev denek da kosak kamky пожаловал.

По представлении его архиерейскому оная персона поставлена с надписаниями в соборной Преображенской церкве над гробницею ево. С тое персони тем же кунштом слово в слово написанная персона сыном боярским Иваном Васильевым сыном Погорелским и поставлена в ево архиерейской Крестовой на Холмогорах.

Того ж времени к преосвященному архиепископу с Холмогор сын боярской Василей Погарельской с сыном своим Федором привезли ружье в отдачю в казну великого государя. А ехали чрез Устюг из-за морозу. И за оное отправление пожалованы ево архиерейским жалованием.

В генваре месяце преставися болярына Екатерина Богданова, супруга болярина Тихона Никитича Стрешнева. При погребении служил и погребал в Вознесенском монастыре архиерей Холмогорской.

В феврале месяце отпущен с Москвы преосвященный Афанасий, архиепископ Холмогорский и Важеский, и изволил путешествовать з домовыми своими с Москвы на Холмогоры. А двинского воеводу стретили Федора Матвеевича Опраксина в Шенкурском. На Холмогоры пришествовал марта 5-го числа на Сырной недели в субботу».

(ОР РНБ собрание А. А. Титова, № 4682, 23об, 26, 27.)

Сделанная нами реконструкция части текста летописца Ивана Погорельского позволила «увидеть» первоначальную структуру повествования о последнем «пришествия» архиепископа Афанасия в череду священнослужения в Москву. Как видно из текста, последний год «службы» архиепископа Афанасия в Москве в 1697–1698 гг. богат многими весьма примечательными событиями. Некоторые из них были уже рассмотрены: написание «персоны» Афанасия выдающим русским живописцем Степаном Дементьевым сыном Нарыкова и копирование этого портрета самим Иваном Погорельским, заказ и написание Евангелия для Холмогорского Преображенского собора с «лутчего» Евангелия из Чюдова монастыря (Брызгалов, Овсяников, Ясински 2013: 22–85).

К сожалению, объем данной статьи не позволяет провести подробную реконструкцию эпизодов текста Погорельского, поэтому мы далее остановимся лишь на некоторых, как мы полагаем, наиболее важных и интересных.

Вышедший из ближайшего окружения патриарха Иоакима, поддерживающий тесные отношения с последующим владыкой — первосвятителем — патриархом Адрианом, уважаемый царем Петром, Афанасий вхож в круг и царствующего семейства Нарышкиных. Вообще, так сложилось, что многие Нарышкины «служили» воеводами на Двине. Так, еще в 1675 г. «на Колмогорах умре» думный дворянин Федор Полуектович Нарышкин, кстати, при нем на воеводском дворе была построена «каменная палата» — первая каменная гражданская постройка на Холмогорах (ДвЛ: 181, 219). В 1687 г. именно воеводе стольнику Кондратию Фомичу Нарышкину (воеводство в 1685–1688 гг.) пришлось решать вопрос о выборе земельного участка у Архангельского города для строительства архиерейского подворья (ГААО. Ф. 1025. Оп. 2. Д. 27. Лл. 1–8об)[2]. В первое «пришествие» Петра I к Архангельскому городу в его свите были Василий Федорович Нарышкин и кравчий Кирилл

[2] Пользуемся случаем поблагодарить В. В. Брызгалова за указание на эти сведения.

Алексеевич Нарышкин — брат матери царя Натальи Кирилловны (ДвЛ: 194). Когда в январе 1694 г. умерла царица и великая княгиня Наталья Кирилловна, урожденная Нарышкина, при ее погребении присутствовал, наряду с другими архиереями и митрополитами, и Афанасий — об этом свидетельствует довольно подробный рассказ в записках Погорельского: «Ианнуария в 25 день во 2-й час дне в день недельный до литоргии на Ивана Великом в Успенской колокол три накона горазо, нескоро и ретко. Того часа приставися, к богу отиде в вечное блаженство благоверная царица и великая княгиня Наталия Кирилловна. Того ж часа святейший Андриян патриарх с архиереи и властми был вверху и отправляли по обычаю яко же достоит.

На другой день хоронили в Вознесенском монастыре, где изначала кладутца царицы и царевны в соборной церкве. Несли оное тело сверху мимо Грановитую полату и Красное крылцо через крылцо, которое за медною решеткою. И как несли, в то время на Иване Великом во все колокола звонили не вдруг все, по одному колоколу перебирали с малых и до болших. А несли тихо. В провождении были святейший патриарх со архиереи и власти в темных одеянии, и государь царь Иоанн Алексеевич, и царица, и царевна и боляры все, в простом платье черном все, и возники двойками шли черные и сани под черным сукном обиты. А государь царь Петр Алексеевич в провождении не был» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 8об.). Подобного повествования о похоронах царицы Наталии Кирилловны, таких простых ритмичных слов, словно окутанных в дымку светлой печали, нет ни в одном из известных списков Двинского летописца. Совсем скоро вслед за мачехой той же дорогой понесут единокровного брата Петра — царя и государя Ивана Алексеевича, и на Руси останется один царь — Петр Алексеевич.

Отметим значительный объем каменного храмового строительства в Северном Поморье при архиепископе Афанасии, причем прежде всего в этом следует усмотреть амбициозный характер деятельности первого архиерея Северного Поморья. Недаром еще А. Голубцов отмечал, что Афанасий хотел «из своего кафолического храма Спасова сделать тоже для Холмогор, чем был для столицы и всего государства большой Успенский собор» (Голубцов 1903: 19–20). Тексты, повествующие об освящении Спасо-Преображенского собора в 1691 г., в Двинском летописце и в записках Погорельского, почти совпадают: «Иулия в 28 день во вторник на память святых апостол и диакон Прохора и Никанора, Тимона и Пармена индиктиона 14-го освятися соборная каменная первая соборная церковь Боголепного Преображения господня богоспасаемого града Холмогор самем первоздателем преосвященным первопростолным Афанасием архиепископом Холмогорским и Важеским, в 10-е лето архиерейство его. А здание церкви сея от начала основания почалось быть труды и тщанием преосвященного его Афанасия, архиепископа Холмогорского и Важеского, со 193-го году майя со 11 числа по нынешней 199 год иулия по 28 число. И всего от начала здания по освящение 6 лет и 2 месяца и 17 дней» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 8об.[3]).

В рукописи Ивана Погорельского после этой записи помещено любопытное заявление: «И для такого торжественного церкви освященного дня по совершении жертвенные литоргии его архиерейским благоразсудительным соизволением, елико собралось со всего граду нищих и всяких маломошных, всем был подел денежной

[3] Пагинация листов в рукописи нарушена.

да и кормили всех пищею доволнею столовым порядком. А от священного чина также и от граждан началники, и протчие люди и мастеровые все были удоволствованы учрежденною питателною трапезою со всяким доволством» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 6об.).

Интерес архиепископа Афанасия к архитектуре храмов всегда проявлялся довольно отчетливо. Например, летом 1699 г. «Преосвященный Афанасий, архиепископ Холмогорский и Важеский, по благому своему архиерейскому намерению трудников своих, то есть иконописцев, а именно протопопа Федора з домом ево, Алексея Струнина з детми с Егором и Степаном, Ивана Погорелского отпустить на наемном из своей архиерейской казны извозном карбасе в Соловецкой монастырь помолитца соловецким чюдотворцем и дать свой архиерейской лист к архимандриту Фирсу со изъявлением, что по ево архиерейскому благословению отпущены с милости ево архиерейской оные иконописцы за многой их труд по соборной Преображенской церкве. И по тому ево архиерейскому отпуску по прибытии в монастыре от архимандрита Фирса всем тако учинено каждому по достоинству подобающая честь с воздоянием награждения. В сем же отпуске были и столяры купно отпущены обще, в котором отпуске было от преосвященного архиепископа дано харчевых припасов со многим доволством. Отпущены с Холмогор июня в 18 день. А возвратились из монастыря июля во 2 день» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 21).

О проведении архитектурных обмеров в Соловецком монастыре довольно определенно писал А. И. Голубцов — он привел указание архиепископа Афанасия об этом, что и было сделано 20 июня 1684 г.: «указал преосвященный архиепископ ключарю измерить в Соловецком монастыре соборную церковь Преображения Господня с приделы. И мерою та церковь Преображения от восточныя стены до западныя стены внутрь 8 сажен трехаршинных и 7 вершков; от полуденной стены до северной 10 сажен 2 аршина 2 вершка. В той же церкви два столпа четвероуголные мерою оба с востока к западу сажен 1 аршин 4 вершка, с юга к северу сажен один аршин. От алтарной стены до столпов 3 сажени пол-2 аршина; от полуденной стены до правого столпа 2 сажени 2 аршина; от северной стены до левого столпа 2 сажени пол-3 аршина; меж столпами 2 сажени один аршин 3 четверти; от южной стены до западных дверей 5 сажен; от северной стены до тех же дверей 4 сажени 1 аршин. Западные церковные двери по середине порога пол третя аршина, от западной стены по южную сторону до большого окна 5 сажен 1 аршин 4 вершка; от западныя же по северной стене до дверей 5 сажен. Толщина стен церковных сажен 10 вершков. Олтар от восточныя стены и со столпами до царских дверей 4 сажени с полуаршинном, поперег 3 сажени пол-2 аршина 2 вершка. Предолтарне от восточной стены до северных дверей 4 сажени 4 вершка, поперег сажень 2 аршина 4 вершка; стена меж олтарем и предолтарием толщина 11 вершков. Пределы Чюдотворцов и архангела Михаила мерою от стены соборныя церкве оба и с олтарями до восточных стен 3 сажени пол-2 аршина, до олтарнаго прага по 2 сажени, поперег по 3 сажени, так же и по олтарях. Паперть соборная, церкве от крылца до церковных дверей 4 сажени, поперег 10 сажен» (Голубцов 1903: 143–144). Возможно это древнейшее описание соловецкого Преображенского собора с метрическими данными.

В рукописи Ивана Погорельского присутствует один лист (без пагинации), который содержит описание деталей некоего каменного храма, определить который пока не удалось.

«1. Ширина по воной стороне 2 сажени 1 аршин.
2. Ширина столбов 2 аршина 10 вершков, всякой столб четверть вне стены толщина стен 2 аршина 6 вершков.
3. Вышина окон в свету сажень 5 четвертей.
Поперег в свету 2 аршина.
4. В сенях со столба на столб дерево 2 сажени 1 четверть.
5. От земли до среднего пояса 5 саженей 1 аршин 2 четверти.
6. От зем(ли) вне церкви до сводов 9 саженей 1 аршин.
7. Вышиною шеи до маковки 2 сажени 2 аршина.
8. Шея вышиною саженей до маковицы.
9. 19 окон вышиною 2 сажени 1 четверть.
10. По 6 окон вышиною 1 сажень аршин с четвертью,
шириною аршин, толщиною стен 3 четверти.
11. Ширина вся
12. Ширина 4 сажени 1 четверть.
13. Кровля досками крыта.
14. Ширина стены 5 сажень
15. Вышина столба на столб свод 1 сажень 5 четвертей.
16. Шириною столбы 2 аршина 3 четверти.
17. Шириною столп 2 аршина 10 четвертей.
18. Чересл шириною шея внутре 2 сажени 1 аршин.
19. Вышина дверей церковных 1 сажен 5 четвертей.
20. Вышина от земли до пояса 2 аршина».
(ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Помещен в рукописи после л. 6 об.)

Особое внимание в рукописи Ивана Погорельского заслуживает краткий, но весьма содержательный рассказ его о поездке в усадьбу князя Голицына в 1698 г.: «После Троицына дня во вторник был с преосвященным архиепископом в селе князя Бориса Алексеевича Голицына, а именно в Дубровицах, от Москвы по Серпуховской дороге и имеет в расстоянии 30 верст, на(д) двумя реками стоит над Десною и Пахрою. А церковь такова удивительная и резная с вонную сторону, и таким образом и переводом, что такой и в Москве удивительной по нынешнее время не было». Из метрики церкви, составленной 22 февраля 1887 г. священником Петром Скворцовым: церковь «Во имя Знамения Пресвятыя Богородицы. Основана 22 июля 1690 г., храмосозидатели: Император Петр Алексеевич и помещик имения князь Борис Алексеевич Голицын… Церковь крестообразная, в четыре равных полукруга. Алтарь с одним полукружьем. Размеры церкви, вышина с куполом 19 саж. 2 аршина и 10 вершков. Весь храм от земли до купола снаружи стены — пилястры, карнизы, арки украшены гранями, колонами, узорчатой барельефной работы, изваянными изображениями Апостолов и учителей церкви…» (НА ИИМК РАН. РО. Р-III. Д. 3942. Лл. 1–14). «Оттоле были у святейшаго патриарха в Андреевском монастыре. Оттоле с ним были и у Крутицкого митрополита на Крутицах и в Москву прибыли оттоль» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 23об.). Титов «отредактировал» эту запись подобным образом: «был преосвященный архиепископ в селе князя Бориса Алексеевича Голицына» (Титов 1889: 101), вместо «был с преосвященным архиепископом», что лишило самого Погорельского и присутствия в имении

князя Голицына, и авторства в описании храма, и восприятия необычного храмового великолепия. Поездка архиепископа Афанасия в усадьбу дядьки-воспитателя Петра I, его сподвижника и человека, близкого семье Нарышкиных, не было случайным эпизодом. Семья Голицыных как бы разделилась — Василий Голицын был «приспешником» царевны Софьи, а Борис Голицын — Нарышкиных и Петра, а по «духу» оба были «западниками». Борис Алексеевич Голицын был в синклите Петра во время его поездки в Архангельский город в 1693 г. и от имени Петра «выговаривал государскую милость» при выходе Петра из Преображенского собора в день приезда царя на Холмогоры (ДвЛ: 193). Иван Погорельский неслучайно по заданию архиепископа сделал не только рисунок фасада Знаменского храма, но его план (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Лист без номера после л. 41). Следует отметить, что всё это сделано профессионально и с высоким мастерством (рис. 2). В Географическом словаре Российской империи помещено довольно подробное описание истории создания этого удивительного храма в усадьбе Бориса Голицына с некоторыми интересными подробностями (Щекатов 1804: 303–310).

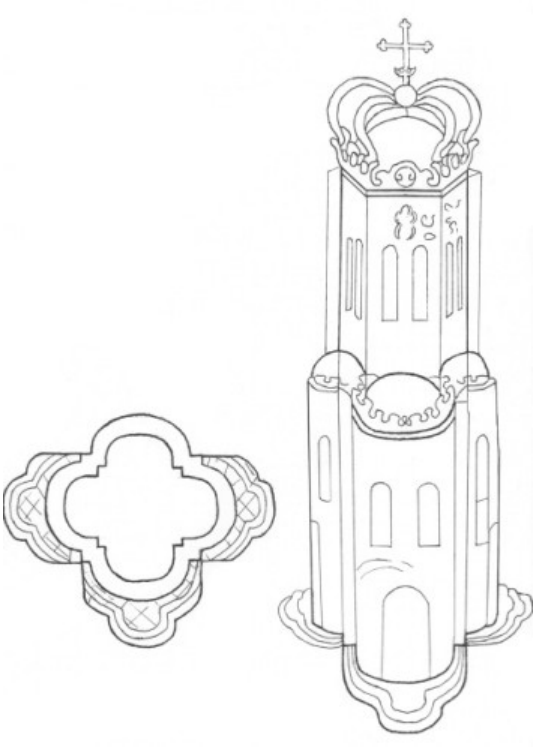

Рис. 2. Храм Знамения Пресвятой Богородицы. Конец XVII в. в с. Дубровицы (рисунок Ивана Погорельского, прорисовка А. А. Кищук)

Можно представить, что рисунок Знаменского храма Погорельского (не имеющий пагинации) является иллюстрацией к тексту о посещении архиепископа и его свиты усадьбы князя Бориса Голицына (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 23об.). Это подтверждается и подписью под рисунками храма: «Сей куншт церкве каменной яже есть на Москве таковым переводом в селе князя Петра Алексеевича Голицына в селе ево от Москвы в ростоянии 30 верст. Внутре и по вонную сторону по каменю все разное, токмо еще не освящена была, достраивана в бытность 7205-го году с преосвященным Афанасием, архиепископом Холмогорским и Важеским первопрестолним» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Подпись под рисунком, лист без номера.).

Известно, что в июле 1698 г. австрийский дипломат Иоганн Георг Корб побывал в гостях в Дубровицах и оставил записки и об этом посещении: «Церковь имеет вид короны и украшена снаружи многими каменными изваяниями, какие выделывают итальянские художники» (Тарунов 1991)[4].

Князь Борис Алексеевич Голицын (1654–1714 гг.), удалившись от государственных дел, построил храм в своей усадьбе, и эта постройка вписала достойную страницу в историю русского каменного зодчества на рубеже XVII–XVIII столетий.

[4] Цит. по: https://www.rulit.me/books/dubrovicy-read-409064-1.html.

Укажем еще на два рисунка Ивана Погорельского, связанные с его пребыванием в Москве в свите архиепископа Афанасия. Оба рисунка посвящены празднеству и фейерверку в честь взятия крепости Азов, устроенному в Красной слободе 12 февраля 1697 г. Под первым рисунком подпись: «такова потеха учиненная единой нощи горела. А казною стала государевою 40…», на самом листе в верхней части еще одна подпись: «Такова потеха была на Красном селе у озера 7205-го году» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 24).

Второй рисунок на эту тему структурно очень схож с первым и имеет подпись: «Такова потеха была на Красном селе у езера 7205-го году. Такова потеха учинена единой нощи горела аки зною, стала государевою 40…» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682.). На гравюре Адриана Шхонебека (Adrian Schoonebeek), посвященной празднеству в Красном Селе, в центре помещен монумент Победы (Viktoria), рядом «русский орел», поражающий турецкий полумесяц, по бокам — транспаранты с изображением русской армии и флота, в самом центре композиции, в вырубленном во льду бассейне — фигура Нептуна (Звоницкий 2003). Наличие в рукописи Ивана Погорельского двух рисунков на эту тему требует дальнейшего изучения, потому что Иван Погорельский, будучи сам художником, высоко ценил красоту «потехи» на льду Красного Села: «В великом Заговеньи у Красноселского пруда была великого государя потеха, чиненая великими и удивителными и неслыханными до сих времен видимыми всякими штуками разными, которые все горели великими цветами, огни стрелбы и сверху спущалии множество всяких рокиток» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 22 об.). Любопытно отметить, что первую гравированную карту нижней Двины, как особо отметил С. Огородников, «повелением Царского Величества делал на Москве Андриан Шхонебек 1710 года» (Огородников 1875: 11).

После возвращения архиепископа Афанасия из Москвы в марте 1698 г.: «На первой недели святаго Великого поста было принесение из Красногорского монастыря чюдотворнаго образа Богоматере Грузинския ВПЕРВЫЕ, а прежде сего до нынешнего времени оттоль не бывал» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 27). Напомним, что еще раньше, в 1696 г., архиепископ Афанасий провел серьезные подготовительные работы, постепенно и поэтапно двигаясь к реализации своей цели.

> «Преосвященный Афанасий милостию божиею архиепископ Холмогорский и Важеский богодуховенно благоволил во славу святаго бога, в честь же и похвалу пренепорочныя его матери пресвятыя девы Марии и чюдотворному ея образу, иже нарицается Грузинскии, который по благости ея сияет преславным чюдесы в его архиерейской епархии в Холмогорском уезде в Красногорской обители, строить вновь оклад и ризу сребреную и позлащеную, зане прежде не бе сицеваго на нем украшения.
>
> И декемврия 18-го дня в таком его архиерейском благом намерении посланы быша во оную Красногорскую обитель града Холмогор великия церкве иконом иерей Алексей Венедиктов да градаскаго Богоявленского собора протопресвитер Федор Васильев, изограф искусный. И по завещанию архиерейскому оной иконом руками домового посланого с ним столяра устроил цку величеством во все страни и толщиною и предел поля во всем подобно дцки оного чюдотворного образа. А протопресвитер Федор со оного Богоматере насущного образа своим изографским художеством снял образ на бумагу во всем подобен

первонаписанному. З бумажного образа начертал той образ на дцку, не погрешив от насущного образа ни же малые черты, и принесеши и вручиши оную цку с написанным образом любо-тщателю ему преосвященному архиепископу».
(ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 22.)

Таким образом, к моменту пребывания иконы Грузинской Богоматери из Красногорского монастыря в марте 1698 г. в распоряжении архиепископа Афанасия на Холмогорах имелись две иконы: копия, написанная архиерейским иконописцем протопопом Федором Васильевым сыном Струниным, и «подлинник» из монастыря с Пинеги.

Кстати, над иконой, привезенной из Красногорского монастыря, уже упомянутый Федор Струнин осуществил целый ряд реставрационных операций: «Протопресвитер Федор обновлял, олифу снимал и лица так же противного легонко краскою поновлял и сызнова изолифил. И на месиве, которой оклад сребреной позлащено зделан сплошь на всю цку с короною наложена. Таково украшение наложил он, преосвященный архиепископ Афанасий. Такова преж сего не бывало. Прежние всячкие привесы и вещи в то же украшение положены. А чего недостало то он, преосвященный, наполнил» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 27). Иван Погорельский завершил все эти сообщения важным для северной епархии сообщением — установлением нового религиозного праздника: «Провождение было образу Богоматери Грузинския на четвертыя недели Великого поста и указ о том преосвященный архиепископ веле записать, чтоб по вся годы в урошное время и число той образ из Красногорского монастыря Колмогорам непременно привозили в честь и славу Божию и его Богоматере» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 27). Об этом уже записано и в разделе «Выписки вкратце» Холмогорского чиновника: «И, по челобитью земских старост, от всего города, всяких чинов людей, указал преосвященный земским старостам 206-го года и впредь, дондеже Бог благоволит, отпускать карбас извозной с работными людми для пренесения чюдотворнаго образа Богоматере Грузинския на Холмогоры в соборную церковь для молебства всего народа маиа на 21 число» (Голубцов 1903: 251). Так архиепископ Афанасий последовательно реализовал свою программу повышения духовной значимости Холмогорской епархии в жизни всего поморского региона. Икона «Богоматерь Грузинская» (вариант «Богоматери Одигитрии») была вывезена в 1625 г. из Персии на Русь, и этот иконописный сюжет получил широкое распространение прежде всего в северных «новгородских» землях (Вилинбахова, Болотцева 1988: 348). С 1696 г. «21 маия стали привозить на карбасе по р. Пинеге, а затем по протокам Двины каждый год в Холмогоры икону Богоматери Грузинской из Красногорского монастыря, и проводить церковные обряды в ее честь». А в сентябре 1739 г. Холмогорский архиепископ Савва (он был на кафедре один год) приплыл к Архангельскому городу, причалил к берегу у Архангел. В действительности Погорельский повествованием об иконе Грузинской Божией Матери затронул одну из глубинных «струн» духовного правления Афанасия на Холмогорской кафедре — постоянное и энергичное внедрение в духовную жизнь населения Северного Поморья иконописных образов Спасова и Богородичного циклов. Знаменательно, что уже в 1690 г. по заказу архиепископа Афанасия московский мастер Иван Ильин «писал образ Пресвятыя Богородицы Владимирской, подобный, что на Москве, в Успенском соборе» (Брызгалов,

и др. 2013: 30–32). Естественно, что в деятельности архиерейской иконописной артели написание икон указанной тематики занимало одно из центральных мест. Так, в 1701 г. ведущий иконописец артели протопоп Федор (Федор Васильев сын Струнин) «писал меж царские и северных врат образ местной Богородицы с превечным Младенцом» (Бурцев 1900). В составе рукописи Ивана Погорельского сохранился лист с рисунком (рис. 3), который А. А. Титов атрибутировал как «образ Покрова Пресвятыя Богородицы» (Титов 1889: III), под рисунком Погорельский поместил молитвенное стихотворение «Ведущих пресвятое имя твое, Мати, освещаешь Покровом своим покрывати, Аз всегда Мариею тебя нарицаю, Покрый мя убо яки имя твое знаю» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 2об.).

Сохранность листа с этой иллюстрацией очень плохая, и только весьма приблизительно можно судить о композиции рисунка и его деталях. Удалось определить, что в центре композиции помещена женская фигура в рост, длинное одеяние дополнено плащом, верхняя часть которого схвачена брошью, широко раскинутые руки поддерживают полы плаща, под которыми изображены две группы коленопреклоненных бородатых мужчин. Одна группа, по всей вероятности, облачена в священные одежды с рисунками крестов, другая — в княжеские или царские. Головной убор женщины — богатая кика. На земле перед женской фигурой — скипетр, «держава» и цветы.

Несомненно, иконография рисунка не связана с традиционным иконописным образом Богоматери. Вероятнее всего, мы имеем дело с другим иконописным сюжетом, скорее всего относящемуся к XVIII в.: это западноевропейский образ Madonna Misericordia, который послужил основой для православной иконы XVIII в. «Покрой нас кровом крилу Твоею» и опосредовано — «Всех скорбящих радосте». В некотором роде этот образ действительно можно рассматривать как явление латинской иконографии Покрова Богородицы, сложившееся еще в эпоху средневековья. Принято считать, что эта иконография приходит в Москву с территории Украины, а впервые в рамках православной традиции гравюра на этот сюжет была опубликована будущим митрополитом Ростовским Дмитрием (Туптало) в его книге «Руно орошенное», посвященной Богородице. Эта гравюра появляется лишь в четвертом издании 1696 г. (Дмитрий 1696: гравюра перед л. 1; Гусева, Полонская 1990: 31, илл. 2080[5]).

Было бы интересно уточнить, когда Иван Погорельский воспроизвел эту гравюру в Архангельске, иными словами — с какой скоростью на севере России распространялись новые иконографические образцы. Впрочем, есть мнение, что другой северный иконописец Семен Спиридонов Холмогорец уже в 1680-е гг. использовал образ Madonna Misericordia, для своего извода иконы «Всех скорбящих радосте» — «Умиление и посещение в беде страждущих» (Комашко 2004: 27).

Очевидно, что Иван Погорельский имел доступ к новинкам иконографии. В Описи архиерейского дома 1684 г. указаны «печатные» иконы — «Два листа фряжские, на них печатаны Страсти Господни. Распятие Господне, писано на листе же, при кресте образ Пречистые Богородицы да Иоанна Богослова, по краям подпись

[5] Авторы сердечно благодарят главного библиотекаря научно-исследовательского отдела редкой книги БАН М. Ю. Гордееву за помощь в поиске соответствующего издания (НИОРК БАН 1058 Сп) и необходимой библиографии.

и слова», «два листа печатных ж, на одном листе образ Пресвятые Богородицы, а на другом Ангела хранителя», «Четырнадцать листов» в лицах, московской печати, «перед потребом на крылце образ Зосимы и Савватия Соловецких Чюдотворцов, печатны на листе» (ГААО. Ф. 1025. Оп 3. Д. 7. Лл. 11об., 12, 14об., 38об., 39). Документ в трех случаях четко обозначает происхождения «печатных листов» — «листы фряжские» и листы «московской печати». В других упоминаниях таких указаний нет, что, конечно, косвенно позволяет предполагать их местное происхождение (по крайней мере, части листов).

Рис. 3. «Образ Покров Пресвятой Богородицы» (литография Ивана Погорельского)

Таким образом, за годы архипасторства Афанасия в его доме на Холмогорах появилось много «печатной» продукции. Об этом свидетельствуют переписные книги 1711 г., составленные после смерти архиепископа Рафаила: «В Большой крестовой полате. Персона печатная государева, рамы флямовые, золочены. Персона великого государя печатная на александрийской бумаге, большая, в черных рамах. В Столовой полате. Две персоны на бумаге, в том числе у одной рамы золочены. Персона светлейшаго князя, напечатаны на бумаге (еще две персоны князя Меньшикова. — *Авт.*). В келье в деревянной в архиерейской спальне две картинки Страстей Христовых, в рамах. Одна за слюдой, другая за стеклом. Семь картин небольших немецких, в черных рамах. Таблица в черных рамах Учения вере Христианские…» (ГААО. Ф. 1025. Оп. 5. Д. 14. Л. 2–8об.).

На наш взгляд, об этом может свидетельствовать наличие весьма своеобразных механизмов: «Доска винтовальная, в ней три винтовальника». Но это еще не всё — против «задней кельи и клети» среди разнообразного имущества хранилась «…доска оловянная, на ней зачато резать образ Пресвятые Богородицы для печатания образов на бумаге…» (ГААО. Ф. 1025. Оп 3. Д. 7. Лл. 21об., 56об.).

Весьма вероятно, что наряду с писанием икон «на золоте» и «писаны краски» в иконописной мастерской архиепископского дома было налажено производство «печатных» икон, и образчик такой деятельности Иван Погорельский включил в свою рукопись в качестве одной из иллюстраций. Безусловно, это позволяет по-новому взглянуть на интенсивную деятельность иконописной архиерейской артели, мастера которой могли писать, реставрировать («поновлять») иконы и, как оказалось, заниматься литографией. Образцы для таких работ могли быть приобретены через иноземцев в Архангельском городе, однако наиболее реален был другой

Рис. 4. Антоний Сийский (рисунок Ивана Погорельского, прорисовка А. А. Кищук)

путь. О нем записал и Иван Погорельский под 1700 г.: «Сего генваря в последних числех приехал на Холмогоры с Москвы Оружейные полаты живописец Иван Федосеев, привез орленую бумагу разных цен, листовое рублевое, полтиннов, полуполтинные, гривенные и грошовые и ерлышные по два с алтына лист. А до сего времени такая орленая печатная бумага НЕ БЫВАЛА» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 31об.). Наряду с «печатной бумагой» поступали уже отпечатанные листы, вероятно, различного содержания, но на имя архиепископа: «Преосвященному архиепископу присланы с Москвы образцы, писанные на полулистах, каковы были ставлены ВОРОТА в Васильев день с цыфирными словами «1700 год» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 32). К сожалению, проблема «печатных» на бумаге икон, репертуар их сюжетов, возможные прототипы западноевропейских произведений такого типа или практическое использование заимствованных художественных приемов в нашей искусствоведческой литературе разработана еще недостаточно.

В рукописи есть еще один любопытный рисунок — преподобный Антоний Сийский на фоне монастыря (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 37). На иконе (рис. 4) — сложившийся к концу XVII в. комплекс монастырских каменных построек, фигура Антония изображена во весь рост, он стоит в молитвенной позе, его взгляд и правая рука обращены к гекте, по композиции сравнимой с сюжетом «Троицы Ветхозаветной», за ангелом — Мамврийский дуб, горы «плащадками» и «дом Авраама» (Брызгалов 2005: 21). Вероятнее всего рисунок этот появился в результате прорисовки иконы знаменщиком: аккуратно и с большой точностью прорисованы все элементы архитектурного стаффажа Сийского Свято-Троицкого монастыря.

Нельзя исключать, что появление данной иконной прорисовки связано с событиями 1692 г., очень непростыми и важными: «Иулиа в 31 день в неделю преосвященный архиепископ по указу и по грамоте святейшаго патриарха благословил и освятил в Сийской монастырь перваго архимандрита Никодима, того ж монастыря иеромонаха и пострижника. А до сего времени все были игумены» (Верюжский 1908: 209, 310). Вполне возможно, что в свите архиепископа Афанасия при этом событии был и Иван Погорельский, скопировавший рисунок монастырской иконы. Двинский летописец довольно кратко в 1692 г. отметил появление первого сийского архимандрита: Афанасий согласно «грамоте святейшаго патриарха благословил и посвятил в Сийский монастырь перваго архимандрита Никодима того ж монастыря иеромонаха и постриженика» (ДвЛ: 192).

Однако определенная интрига в этих событиях была, и о ней вполне определенно пишет В. Верюжский — Сийский монастырь практически держал в своем

ведении почти все хозяйские церковные дела в Нижнем Подвинье до учреждения Холмогорской епархии, а после ее образования иеромонах Никодим и келарь Питирим обращались непосредственно к патриарху Адриану о введении в монастыре чина архимандрита и получили на это патриаршую грамоту (Верюжский 1908: 209, 310). Архиепископ Афанасий имел на это место другого своего кандидата, но вынужден был подчиниться, что вызвало определенную напряженность в их отношениях. Любопытно, что жизнь, а точнее смерть, рассудила так, что именно сийский архимандрит Никодим возглавлял 12 ноября 1702 г. погребение архиепископа Афанасия в Холмогорском Спасо-Преображенском соборе, а в ноябре 1711 г. — и его приемника архиепископа Рафаила (ДвЛ: 192).

Госпожа Судьба оказалась вполне доброжелательной к сыну боярскому Ивану Васильевичу сыну Погорельскому — она ввела его в мир искусства, в круговорот таких исторических событий, которые дали ему возможность увидеть Москву, патриарха, царя, быть не только свидетелем, но и участником виденного. О первоначальных мытарствах семейства Погорельских, выпавших на их долю, поведал в челобитной 1699 г. архиепископу Афанасию глава семьи — Василий Гаврилов сын Погорельского.

> «Государю преосвященному Афанасию архиепископу Холмогорскому и Важескому бьет челом раб дому твоего святаго Васка Погарельский. Служи я раб твой тебе государю преосвященному в дому твоем архиерейском тринатцать лет, и ныне государь стали годы недошлые и гладные и доконца я раб обдолжал и оскудал и будучи на твоей государевой службе на Москве вспомянул прежнее свое: из Польши к великому государю выход, також и службишка что служено против свицких немец и в понизовом городе в Астрахани всяких службы больше тритцати годов; и бил челом я раб твой великому государю чтоб мне будучи в милости твоей архиерейской кормитца на Двине у збора стрелецких и у оброчных денег писмом подьяческим на земском дворе и о том дана мне государева грамота и земский писец колмогорец Иван Близнин сельских и посацких людей запоя и накупя всячески научил бить челом мирским челобитьем, что мне у того збора не писать и по тому великого государя указу тое покорми доступить не мог, а в тое волокитное время домовым твоим архиерейским детем боярским давала твоя государская милость хлебное жалованье чем понятца до скрою вешния воды, а мне рабу твоему не дано. Милостивый государь преосвященный Афанасий архиепископ Холмогорский и Важеский пожалуй меня раба твоего вели государь милость свою хлеба дать и мне рабу твоему; государь святитель смилуйся».
>
> (ГААО. Ф. 1025. Оп. 1. Д. 723.)

Цель автора челобитной — получить прибыльную должность — синекуру подьячего по сбору стрелецких и оброчных денег. Но мы обратим внимание на данные истории его семьи. Оказалось, что Василий Погорельский, его жена и мать (Фекла) «вышли» из польских земель, положение православных в которых после Люблинской унии 1569 г. и военных действий между Москвой и Речью Посполитой в 1657–1667 гг. привело к «исходу» православного населения к Москве. Вероятный год рождения Василия Погорельского — около 1651 г., сын Иван родился в 1677 г., приблизительно в это же время родился и второй сын — Федор (может быть,

в 1678 г. — всё зависит от месяца). Все подробные данные о Погорельских относятся к более позднему времени — Переписной книге Архангелогородской 1710 г.: двор Василия Погорельского (59 лет) находился на Сальном берегу (район ц. Успения Пресвятой Богородицы), где, кроме него, жили — его жена Авдотья (40 лет), сын Федор (33 лет) с женой Аксиньей (20 лет), а двор Ивана Погорельского стоял в Солдатской слободе, с ним жила жена Татьяна (27 лет), о детях сведений нет (Овсянников, Ясински 1998: 224, 232).

Первые сведения о Погорельских на Холмогорах в архиерейском доме относятся к 1686 г. — Василий Погорельский в октябре этого года назван приказчиком архиерейской вотчины в Чюхчемской волости, в 1695 г. архиепископ посылает его на Вагу, в Вознесенскую пустынь «для отводу тое пустыни с восточными землями по грамоте великих государей за него преосвященнаго архиепископа…», в документах много сведений о выполнении им различных поручений (БАН. РО. Архангельское собрание. С-294. Л. 353; РА СПБ ФИРИ РАН. Ф. 11. Кн. 107. Л. 105об.). Особо следует отметить поручения, связанные с выполнением графических работ: в 1696 г. Афанасий получил вклад от гостя Василия Грудцына — усолье на р. Юра, и «его архиерейской вотчины Чухченемской волости прикащик Василий Погорельский с волостными людми то ево гостиное поступление в дом ево архиерейской оброчное угодье описал и учинил чертежи, и ту записку и чертежи прислал к нему, преосвященному архиепископу в дом» (Верюжский 1908: 483). В 1698 г. Василий Погорельский «досматривал и измерил» и составил чертеж «домовой архиерейской Спасские земли» (ГААО. Ф. 1025. Оп. 1. Д. 787. Л. 1–4об.). Сын Федор, вероятно, был подручным у отца. Та же Госпожа Судьба Ивану Погорельскому уготовила несколько иную жизненную стезю, о чем сам он потом и напишет в своем «Летописце».

Если дату своего рождения Иван Погорельский сообщил достоверно, то свою деятельность в архиерейском доме он начал в 1691 г. в возрасте 14 лет: «Сего году в дети боярские преосвященный Афанасий Архиепископ Холмогорский и Важеский пожаловал принял в дом свой архиерейской служить и жалованье денежное и хлебное учинил», но только с 1694 г. он стал активно работать в иконной артели: «Преосвященный и первопрестольный Афанасий, архиепископ Холмогорский и Важеский, соизволил душеспасительно люборачительством своим первую соборную каменную церковь во имя Боголепного Преображения Господня новопостроенную украсить вновь же святыми иконами, якоже церковь восточная во вселенной украшается. Призвав Холмогорского града богоявленского протоиерея Федора Васильева сына Струнина, первейшего искусного изографа иконнаго писма, с ним дядю его, а своего архиерейского дому сына боярского Алексея Иванова сына Струнина, к ним же протчих совокупил…»[6] (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 6об., 10об.). Так начиналась карьера сына боярского Холмогорского архиерейского дома Ивана Васильева сына Погорельского и его повседневная работа иконописцем и в Преображенском соборе, и в других храмах Холмогорского уезда. Вероятно, последние иконописные работы Иван Погорельский осуществлял в 1702 г. в Петропавловской двинской крепости вместе с другими архиерейскими мастерами и московскими — златописцем Иваном Петровичем Рефицким (Рефусицким) с учеником (Верюжский 1908: 564; Дементман, Иткина 2007: 23).

[6] «Протчие» — это Филипп Коротаев, Степан Струнин и сам Иван Погорельский.

После смерти архиепископа Афанасия в 1702 г. Иван Погорельский продолжил летописные записки. Свои многочисленные автографы оставили Василий и Иван Погорельские на официальных бумагах, которые были непосредственно связаны с теми администрациями, в которых они служили после переезда в Архангельский город. Так, в Переписной книге Архангельского города 1710 г. Василий Погорельский числился как «крепостной подьячий», а в 1707–1709 гг. под купчими подписывался как «крепостной надсмотрщик» (Овсянников, Ясински 1998: 224, 292, 300, 305, 312).

Подьячий Иван Погорельский жил в бывшей Солдатской слободе в Головине улицы, В. В. Крестинин определял его статус как «портовой таможни подьячий», что обеспечивало ему доступ к данным «заморского» отпуска черной икры, поташа, смольчуги и хлеба вплоть до 1710 г. (Овсянников, Ясински 1998: 232; Крестинин 1795: 35–69).

После смерти архиепископа Афанасия часть его иконописной артели была вынуждена искать другую работу. В том числе и все Погорельские, грамотные люди, переехали после 1702 г. в Архангельский город и нашли себе неплохую работу. Наиболее позднее свидетельство в письменных документах — это роспись Ивана Погорельского в октябре 1729 г. Летописец расписался по просьбе крестьянина Лисестровской волости Ивана Игнатьева сына Корелы на челобитной его новоманерного щербота «Гликерия», отправлявшегося с хлебными припасами из Архангельского города в Кемский городок: «К сей челобитной вместо Ивана Игнатьева по его прошению Иван Погорельский руку приложил» (ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 545. Л. 103–104).

«Летописец» Ивана Погорельского, как уже было отмечено, сохранился частично и имеет перепутанную пагинацию листов и общий загаловок «О начале Руской земли и протчая вкратце», помещается на одном листе, причем изложенные события (практически каждое) содержит фактическую ошибку.

«О начале Русской земли и протчая вкратце.

В лета 6300 избрашася три брата от немец Рюрик, Синеус, Трувор от Рождества 800-го году. Рюрик убо седее в Новгороде, а Трувор на Беле озере, (Тр)увор во Изборске.

[*Вставка справа от текста*] Славяне начаша песание имети и умети — кесарь гречески мир соделавши послал им в знамение приятелства и ненарушимого мира литеры, сиречь писмена азбучная А, Б, В и прочая. И от того времени и деяния своя исписывати от Рождества 790-го, обаче поляков писмена.

(В лет)а 6463-го крестися Олга, нереченная Елена великая княгиня Киевская и всеа России. От Рождества 963-го, россов ко Христу обрати, но сына своего Светослава невозможно обратити, зане зело храбр и воинствен бяше.

(В лет)а 6496-го крестися Владимер Киевский. От Рождества Христова 996-го.

(В) лета 6666-го постви град Москву князь Юрьи Воладимеровичь. От Рождества Христова 1158-го.

В лета 6745-го приходил царь Батый и грех ради (на)ших всю землю поплени.

От Рождества Христова 1237.

(В л)ета 6875-го князь великий Дмитрий Иванович (Дон)ской основа Москву град каменной на успех (при) митрополите Алексее апреля в 5 день. От Рождества Христова 1367-го.

В лета 6888-го месяца майя при царе Костянтине нарицаемого Дрогоса грех ради наших народа Христианского безбожный Махмет власть греческую погасил, яко же ветр и буря зелна вся без вести сотвори. От Рождества 1380-го. А всех царей греческих от великого царя Констянтина до турского взятья 86.

В лето от сотворения света 6517 поставлена бысть церковь Премудрость божия София в Великом Новеграде при благоверном великом князе Ярославе Владимеровиче и при епископе Великого Новаграда Луки. А делана церковь 7 лет».

(ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 1–1об.)

На этом события всей Российской истории до основания в 1584 году Архангельского города кончаются, и сколько листов (если они были) не сохранилось — можно только предполагать. Далее, после двух чистых листов и двух листов с рисунками, начинается раздел «О воеводских в начале приездех 7092-го» и далее следует остальной текст рукописи (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 5–41, последний лист без номера). Любопытно, что автор текста описывает события как до появления Погорельских в архиерейском доме в 1686 г., так и до зачисления Ивана Погорельского в состав архиерейской иконной артели в 1694 г. Очень важно понять, какими источниками и документами пользовался автор при написании текста и почему некоторые его фрагменты явственно напоминают сведения из приходно-расходных книг Холмогорского архиерейского дома, а также из уникальных по своей информативности «Чиновников» Холмогорского Преображенского собора.

Информированность сына боярского Холмогорского архиерейского дома и его присутствие на личных «мероприятиях» государственной важности имеют объяснение. Дело в том, что в возрасте 24 лет, то есть в октябре 1701 г., Иван Погорельский решил жениться и испросил разрешения на это: «октября 24 в пяток преосвященному архиепископу подал челобитную к женитьбе, и указал брачитца невозбранено, и к оному брачному сочетанию ево архиерейскою милостию был пожалован денежным и хлебным жалованием против средней детей боярских, а до сего был в третьей статье служил. И велел отдать вперед и не заслуженное евдокейского сроку жалованье, да брак был. Ноябрь 11, то есть в понедельник, поял дщерь холмогорского большого собора у ключаря Алексея Венедиктова сына Золотарева Татиану от рождения ея 18 лет, а своих 24» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 32об.).

Семейство братьев Золотаревых составили самое близкое окружение с начала появления Афанасия на Холмогорской кафедре, а после его смерти стали священниками крупнейших храмов Архангельского города. Фигура ключаря Преображенского собора Алексея Золотарева весьма примечательна: уже вскоре после прибытия на Холмогоры архиепископа Афанасия в октябре 1683 г. священник церкви Николая Чудотворца на Нижнем посаде Алексей Венедиктов сын Золотарев был назначен ключарем холмогорского Спасо-Преображенского собора, а его брат Калинник, священник стоящей в Холмогорском деревянном городе Богоявленской церкви, переведен на место брата — на Нижний посад (Голубцов 1903: 37). Алексей Золотарев выполнял наиболее важные поручения Афанасия, и, по мнению А. Голубцова, мог быть автором, или, по крайней мере, редактором богослужебных, а может быть, и летописных записей одного из «Чиновников» Спасо-Преображенского собора (Голубцов 1903: XXIX). В 1702 г. Алексей Золотарев, по достижении

преклонного возраста, оставил службу соборного ключаря и был пострижен в монахи, говоря языком эпохи — «в старцы» (Овсянников, Ясински 1998: 366).

По Переписной книги Архангельского посада 1702 г. у соборного храма Преображения зафиксирован двор, в котором проживал «протопоп Калинник Венедиктов» с семьей, в таком же документе 1710 г. его двор уже значился на Сальном берегу в нижней части Архангелогородского посада, у церкви Успения Пресвятой Богородицы, а дети его написаны как подьячие Приказной палаты и таможни. Умер Калинник в 1719 г. (Овсянников, Ясински 1998: 214, 223; ДвЛ: 225).

Очень хочется надеяться, что утраченные части рукописи Ивана Васильевича Погорельского когда-нибудь обнаружатся. Но уже сейчас, исследуя имеющейся текст и рисовальные сюжеты его произведения, можно с уверенностью воспринимать его как неординарную, талантливую и художественную личность. Даже сохранившиеся фрагменты этих записок — необычайно ценный вклад в историю и культуру Архангельского Поморья конца XVII — первой половины XVIII столетий, правдивый и своеобразный взгляд свидетеля и художника той поры.

Малые городские или даже приходские летописи, составленные, как правило, местными жителями, имеют, по мнению академика М. Н. Тихомирова, «значительную историческую ценность» (Тихомиров 1951: 217–236). Этот вид исторических источников постоянно находится в поле зрения исследователей (Корецкий 1981: 223; Копанев 1972: 5–62; Овсянников, Рождественская 1991: 217–229; 1993: 357–366).

Рукопись Ивана Погорельского — весьма знаковый памятник письменности, в котором логично и довольно информативно сочетается изложение важных сведений общегосударственной (светской и духовной) жизни и реальные события жизни автора и его близких. Новая эпоха требовала от индивидуума осознания своего персонального места в череде тех общественных событий, в водовороте которых он оказывался. Конечно, сыну боярскому Ивану Погорельскому и просто повезло, и судьба дала ему талант и художественное чутье. В его записках нет элементов резонерства или назидания.

Создается впечатление, что фразы, написанные Погорельским латиницей, — это что-то сугубо личное или его чем-то смущали упомянутые денежные расчеты; так, за свой портрет архиепископ Афанасий уплатил персонику Степану Дементьеву сыну Нарыкову — «за труд wosm rublev genek da kosak катку пожаловал» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 28об.). Больше всего таких латинских реплик приходится на сведения об отце — Василии Погорельском. В 1710 г. в январе — «Otec priezal iz Klonovskoho monastira s pripasami s harcevimi melkimi, a z dorohi, s zastavi poslal 5 vedr vina, kotoroe ne propustili…», а далее была проверка — «Na fominoя nedeli skasku vzali как otec piezav is monastira I cto privozil» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 36об.).

Конечно, фиксация всех «латиниц» из рукописи — это отдельная и самостоятельная тема, но мы не откажем себе и читателю в удовольствии опубликовать записи, связанные с Иваном Погорельским как с художником. В 1697 г. после того как Степан Нарыков окончил портрет архиепископа Афанасия, Погорельский «с тое персоны тем же кунштем слово в слово написанная персона сыном боярским Иваном Васильевым сыном Погорельским и поставлена в ево архиерейской Крестовой на Холмогорах», причем тут же Погорельский пишет, что портрет, написанный Нарыковым «с надписанием» поставлен в соборной Преображенской церкви над его

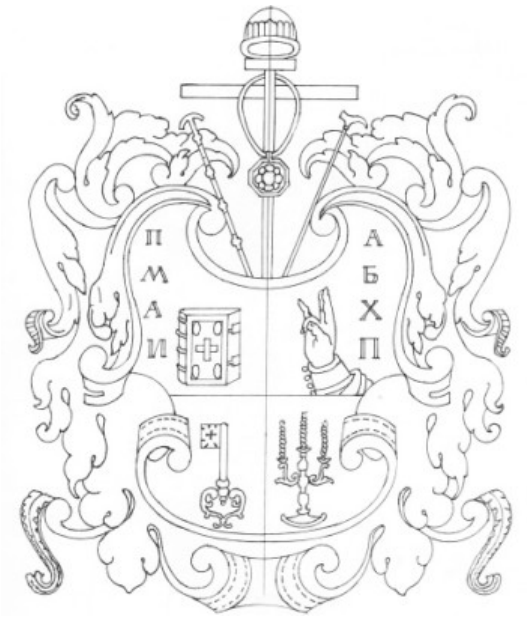

Рис. 5. Герб архиепископа Холмогорского и Важеского Афанасия (1641–1703) (рисунок Ивана Погорельского, прорисовка А. А. Кищук)

гробницей (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 26об.). Совершенно ясно, что подобные строки могли быть написаны только после смерти архиепископа в 1702 г., но на следующих страницах Иван Погорельский опять возвращается к событиям зимы 1701 г., связанным с портретом Афанасия, — он отдает портрет архиерея (непонятно: исходный портрет или копия Погорельского?) — «J без neho po soglasiu s kileinikamy sdal knuct s personi archiereskoy, kotora na Moskve pisana» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 32об.). Это был явный подарок архиепископу Афанасию от сына боярского Ивана Погорельского, и поскольку портрет в покои владыки Погорельский принес без предварительного разрешения, то это можно рассматривать как своего рода сюрприз.

Вполне возможно, что Афанасий весьма благожелательно относился к своему талантливому иконописцу — разрешил жениться ему на дочери ключаря кафедрального собора, повысил статус художника из самой низкой до третьей статьи, назначал на должность «вместо сушиленного» (ведание архиерейскими припасами и посудой) во время поездки Афанасия в Архангельский город, кроме того Погорельский выполнял личные указания своего патрона — на новоманерном архиерейском судне баркалоне «нарисовал ему герб, каков писан на корме на вонной стороне с примера патриарша клейнота» (рис. 5), а в «соборной Преображенской церкве прописывал болшей клейнот, который с полным надписанием сызнова один, кроме слов и речей» (Овсянников 2017: 377–392). Доброжелательность архиерея сказывалась в разных формах поощрения. Так, в 1701 г. «на второй неделе Великого поста преосвященный архиепископ изволил по своей архиерейской милости в посылку послать на Пинегу, в Кеврол, на Мезень с церковников годовую ДАНЬ собрать и привесть детям боярским… Первым данщиком племянник ево архиерейской Максим Дмитров Любимов, брата родного сын, два товарища же к нему вместо подьячего Иван Погорелской да вместо пристава Сила Попов. Из которой езде приехали на пятой недели. V toe ezda prisla desat rublev s poltinou svoevo dohodu» (ОР РНБ, собрание А. А. Титова, № 4682, л. 3об.).

Не исключено, что речь идет о копии Ивана Погорельского, так он без согласия архиепископа принес свое произведение в его дом. Оказалось, что тот портрет — не единственное светское произведение иконописца. После возвращения в архиепископской свите в марте 1698 г. уже в июне этого же года он пишет портрет Василия Погорельского, о чем и записал «латиницей»: «Pisal person oxcovscuu slovo v slovo» В апреле 1701 г. в Успенском женском монастыре, «в субботу на Светлой недели, то есть апреля в 26 день, преставилась в монастыре бабушка Фекла, преж именованная Феодосия. Того дня и погребена» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682.

Л. 36об.). Вероятно, по случаю смерти матери из Клоновского монастыря приезжал на погребение Василий Погорельский: «Na fominj nedeli skasku vsali как otec piezal is monastira i cto privozil» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 36об.).

В данной публикации затронуты лишь некоторые сюжеты из рукописи Ивана Погорельского, и, конечно, эта рукопись нуждается в дальнейшем исследовании. Несомненно и то, что мы имеем дело с уникальным литературно-историческим произведением, с исключительными литературными приемами в описании официальных событий, детальном описании работы автора в архиепископской иконописной артели, с профессиональной и объективной оценкой мастерства других артельщиков, историей собственной семьи. Нетрудно понять, что перед нами не только любопытный, но во многом и очень ценный памятник самого конца XVII и первых лет XVIII столетия, в котором автор показывает нам жизнь и события и при этом раскрывается сам. В повествовании нет никаких нравоучений и назиданий. Только факты, на которые он смотрит как художник, а зачастую — как обыкновенный человек.

«Река стала в Покров. Сын боярский Иван Никитин да подьячий Федор Нечаев посланы были для розыску, с ними к городу съехал и жил на Николском дворе (двор Николо-Корельского монастыря в Архангельском городе. — *Авт.*) Kupil sebe sukna… От города пошел впеш в третий день после Покрова. Х Колмогорам пришел один в седмом часу ночи» (ОР РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4682. Л. 29). Для справки: от Архангельского города до Холмогор около 80 км.

Литература

Амосов 1970 — *Амосов А. А.* Краткие заметки о Двинской летописи // Материалы научной студенческой конференции. Май 1970 г. М.: [Б. и.], 1970. С. 30–32.

Брюсова 1951 — *Брюсова В. Г.* Холмогорский летописец и художник XVII в. (Об одном из авторов Двинской летописи) // Труды отдела древнерусской литературы. Вып. XVII. М.; Л.: Наука, 1951. С. 445–453.

Брызгалов 2005 — *Брызгалов В. В.* Строительство храмов в Антониево-Сийском монастыре в XVI–XVII вв. Архангельск: Лодия, 2005. 48 с.

Брызгалов, Овсянников 2011 — *Брызгалов В. В., Овсянников О. В.* Челобитная 1701 г. подьячего Двинской Приказной избы Федьки Блезнина «с товарыщи» (по сведениям художника и летописца Ивана Васильева сына Погорельского) // Любимов В. А. (отв. ред.). М. В. Ломоносов и Арктика: Материалы МНК, посвященной 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова (1711–1765 гг.). Архангельск: Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, 2011. С. 138–158.

Брызгалов и др. 2013 — *Брызгалов В. В., Овсянников О. В., Ясински М. Э.* Из истории Нижнего Подвинья. Конец XVII–XVIII вв. (документы Холмогорского архиепископского дома) // Лепин Г. А., Любимов В. А., Шрага М. Х. (сост.). Труды Архангельского центра Русского географического общества. Вып. 1. Архангельск: Архангельский центр Русского географического об-ва, 2013. С. 22–85.

Булкин, Овсянников 1987 — *Булкин В. А., Овсянников О. В.* Холмогорцы Струнины и Погорельские // Тарановская Н. В. (ред.). Холмогоры — центр художественной культуры Русского Севера. Архангельск: ГРМ, Арханг. обл. музей изобразит. искусств, 1987. С. 23–35.

Бурцев 1900 — *Бурцев Евгений*. Из документов Архангельской Духовной семинарии. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1900. 26 с.

Верюжский 1908 — *Верюжский В*. Афанасий, архиепископ Холмогорский и Важеский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII в. Церковно-исторический очерк. СПб.: Тип. И. В. Леонтьева, 1908.

Вилинбахова, Болотцева 1988 — *Вилинбахова Т. Б., Болотцева И. П*. Иконопись // Белецкий В. Д. (сост.). 1000-летие русской художественной культуры. М.: [Б. и.], 1988. С. 323–331.

Голубцов 1903 — *Голубцов А*. Чиновники Холмогорского Преображенского собора. М.: Имп. Об-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1903. [2], XLII, 286, [1] с.; 27.

Гусева, Полонская 1990 — Гусева А. А., Полонская И. М. (сост.). Каталог изданий, хранящихся в Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Вып. 2. Ч. 2: Львовские, новгородсеверские, черниговские, уневские издания 2-й половины XVII в. М.: Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина, 1990. 318 с.

ДвЛ — Двинской летописец. Пространная редакция // ПСРЛ. Т. 33. Л. Наука. 1977. С. 165–221.

Дементман, Иткина 2007 — *Дементман Д. А., Иткина Е. И*. Неизвестный портрет Петра I из Архангельска // Наследие Соловецкого монастыря: Всероссийская конференция. Архангельск, 28 ноября — 1 декабря 2006 г.: доклады, сообщения. Архангельск: Гос. музейное объединение «Художественная культура Русского Севера», 2007. С. 17–39.

Дмитрий 1696 — *Дмитрий (Туптало), игумен*. Руно орошенное, пречистая и преблагословенная дева Мария, или чудеса образа пресвятыя Богородицы, бывшая в монастыре Ильинском Черниговском. Чернигов: в тип. Монастыря Троицкого Ильинского Черниговского, 1696.

Звоницкий 2003 — *Звоницкий Э*. Фейерверки и салюты. М.: Гелиос, 2003.

Копанев 1972 — *Копанев А. И*. Пинежский летописец XVII в. // Лихачев Д. С. (отв. ред.). Рукописное наследие Древней Руси. Л.: Наука, 1972. С. 57–62.

Корецкий 1981 — *Корецкий В. И*. Соловецкий летописный свод конца XVI в. // Рыбаков Б. А. (отв. ред.). Летописи и хроники, 1980. В. Н. Татищев и изуч. рус. Летописания. М.: Наука, 1981. С. 223–243.

Кольцова, Овсянников 1995 — *Кольцова Т. М., Овсянников О. В*. «Книга записная» 1691 г. — новый документ по истории иконописания домовой артели архиепископа Холмогорского и Важеского Афанасия // Церковная археология: Материалы Первой Всероссийской конференции (Псков, 20–24 ноября 1995 г.). Ч. 3. Памятники церковной археологии России. СПб.; Псков, 1995. С. 17–18 (Археологические изыскания. Вып. 26-3).

Комашко 2004 — *Комашко Н. И*. Богоматерь «Всех скорбящих Радость» // Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования. № 1–2 (14). М.: ЛК пресс, 2004. С. 22–34.

Крестинин 1792 — Краткая история о городе Архангельском, сочинена Архангелогородским гражданином Васильем Крестининым. СПб., 1792.

Крестинин 1795 — *Крестинин В. В*. Исторический опыт о внешней торговле Государя императора, Петра Великого, от 1693 года по 1719 год // Месяцеслов исторический и географический на 1795 год. СПб., 1795.

Кротов 1996 — *Кротов П. А.* Голландские моряки в русском флоте при Петре I // Россия и Голландия: 300 лет сотрудничества. Тезисы МНПК. Москва, октябрь 1995 года. М.: Московский гос. ун-т культуры, 1996. С. 31–39.

Лимонов 1970 — *Лимонов Ю. А.* Заметки о Холмогорской летописи (Ярославское и Двинское местное летописание) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. III. Л.: Наука, 1970. С. 251–252.

Лурье 1970 — *Лурье Я. С.* Холмогорская летопись // Труды отдела древнерусской литературы. Вып. XXV. М.; Л.: Наука, 1970. С. 135–149.

Материалы для истории 1866 — Материалы для истории русского флота. Ч. III. СПб.: Типография Морского министерства, 1866. 726 с.

Овсянников 1992 — *Овсянников О. В.* Северный иконописный фонд по письменным источникам. Пути формирования и судьбы в XVI–XX вв. // Чтения по исследованию и реставрации памятников художественной культуры Северной Руси. Архангельск: ГРМ, Арханг. обл. музей изобразит. искусств, 1992. С. 46–76.

Овсянников 2009 — *Овсянников О. В.* Иконописец XVIII в. Михаил Слепохин, Михаил Константинович Каргер и кот Евстафий // Труды ГЭ. Т. 46. Архитектура и археология Древней Руси. Материалы НК к 100-летию со дня рождения М. К. Каргера (1903–1976), 26–28 ноября 2003 года, и научного заседания, посвященного 90-летию ученого, 27 мая 1993 года. СПб.: Изд-во ГЭ, 2009. С. 8–12.

Овсянников 2017 — *Овсянников О. В.* Царь Петр и итальянское судно на Северной Двине: баркалон Афанасия, архиепископа Холмогорского и Важеского // Мусин А. Е. (отв. ред.). В камне и бронзе: сб. ст. в честь А. Песковой. СПб.: Невская Книжная Типография, 2017. С. 377–392 (Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII).

Овсянников, Рождественская 1991 — *Овсянников О. В., Рождественская М. В.* Сольвычегодский летописец как историко-архитектурный и географический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 22. Л.: Наука, 1991. С. 217–229.

Овсянников, Рождественская 1993 — *Овсянников О. В., Рождественская М. В.* «Сказание о построении церкви в селе Маврино-Сергеевском» — малоизученный памятник XVIII в. // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 47. Л.: Наука, 1993. С. 357–366.

Овсянников, Ясински 1998 — *Овсянников О. В., Ясински М. Э.* Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север. Проблемы и источники. Т. II. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. 425 с.

Овсянников, Ясински 2006 — *Овсянников О. В., Ясински М. Э.* Волоки вдоль Ледовитого океана — древняя дорога торговли, промыслов, этнических контактов (материалы к дискуссии) // Попова Л. Д. (сост., отв. ред.). Мезень и Мезенский край в истории Отечества и Баренцева региона. Архангельск: Правда Севера, 2006. С. 98–101.

Огородников 1875 — *Огородников С. Ф.* История Архангельского порта. СПб.: Типография Морского Министерства в Главном адмиралтействе, 1875. 377 с.

Сербина 1973 — *Сербина К. Н.* Двинский летописец // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. V. Л.: Наука, 1973. С. 196–214.

Сербина 1977 — *Сербина К. Н.* Предисловие // ПСРЛ. Т. 33. Л.: Наука, 1977. С. 3–9.

Тарунов 1991 — *Тарунов А. М.* Дубровицы. М.: Московский рабочий, 1991. 112 с.

Титов 1889 — *Титов А. А.* Летопись Двинская. М.: Изд. П. Л. Фокина, 1889. 182 с.

Тихомиров 1951 — *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. Т. VII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 217–236.

ХЛ — Холмогорская летопись // ПСРЛ. Т. 33. Л.: Наука, 1977. С. 10–147.

Хусейн 1999 — *Хусейн А. Х.* Устав морской царя Петра Великого (1720 г.) // Беспятых Ю. Н. (сост. и отв. ред.). Русский Север и Западная Европа. СПб.: Блиц, 1999. С. 326–340.

Щекатов 1804 — *Щекатов А.* Географический словарь Российского государства. Ч. 2. М.: Университетская типография, 1804. 874 стб.